

Глава 11

Поскольку Чжэнь Цзяшуай находился в состоянии глубокого стресса, вызванного периодом восприимчивости, медики ввели ему сильнодействующий ингибитор для альфа. После такого укола даже самый буйный и неистовый альфа неминуемо погружался в состояние вынужденного спокойствия.

После всей этой суматохи Чжэнь Цзяшуай выглядел совершенно подавленным. В состав препарата входили седативные компоненты, поэтому мысли его путались, а тело, всё еще хранившее память о сокрушительном давлении феромонов высшего класса, была мелкая дрожь.

Фан Юншэнь осведомился, сможет ли тот продолжать работу. Сяо Чжэнь, не колеблясь ни секунды, кивнул, и режиссер дал ему полчаса на отдых.

Внезапный приступ и последующая доза ингибитора заметно сказались на состоянии юноши, однако, как ни странно, это пошло на пользу делу: эта апатичная, изнуряющая слабость как нельзя лучше подходила его персонажу.

На этот раз съемки прошли без сучка и задоринки.

***

В финале сцены взгляд Цзян Яна стал блуждающим и туманным. Он смотрел куда-то вдаль, словно видел нечто, недоступное остальным. Внезапно вспомнив о чем-то важном, он едва слышно прошептал Су Цину:

— Су... Цин... обещай мне... в будущем... попытайся быть счастливым, ладно? Необязательно... улыбаться... просто пусть на сердце станет легче. Помни... в последние свои дни... я был... очень... счастлив...

Окутанный ароматом феромонов Су Цина, он заснул с блаженной улыбкой на губах. Для влюбленного уйти в небытие, чувствуя запах дорогого человека, — истинное милосердие.

Прибор, фиксирующий сердцебиение, издал протяжный звук, и ломаная линия на экране превратилась в прямую, возвещая о конце.

В палату хлынули люди, началась суeta. Су Цин наблюдал за происходящим со стороны, словно чужак. Он помогал коллегам, подчиняясь заученным движениям, оставаясь всё тем же холодным и профессиональным врачом.

Лишь присмотревшись, можно было заметить: его реакция запаздывала на долю секунды, а протянутая рука на миг замирала в пустоте, прежде чем вернуться обратно. Взгляд его

потускнел — теперь им двигал лишь профессиональный инстинкт. Он напоминал неисправный автомат, чьи механизмы начали давать сбой.

Когда формальности были улажены, он устало прислонился к стене и закинул голову, глядя в пустоту потолка. Глаза его были спокойны, но абсолютно пусты. В этот миг каждый присутствующий кожей почувствовал исходящее от него оцепенение — так ощущается утрата чего-то жизненно важного.

Вокруг сновали люди, но он застыл ледяным изваянием, к которому страшно было прикоснуться: казалось, от малейшего толчка эта фигура рассыплется в прах. И всё же внешняя оболочка оставалась непоколебимой — некая внутренняя сила не давала ему окончательно сломаться.

Постепенно в его глазах снова забрезжил слабый свет. Уголки губ едва заметно дрогнули в подобии улыбки, и он негромко ответил призраку прошлого:

— Хорошо. Спасибо тебе.

Перед мысленным взором пронеслась открытая, солнечная улыбка Цзян Яна. Человек ушел, но он оставил после себя нечто бесценное. Это сокровенное знание станет частью самого Су Цина, его краеугольным камнем, который поможет ему и дальше идти вперед.

Он повернул голову к окну в конце коридора. Оттуда под косым углом падал солнечный свет, и в золотистых лучах кружились мириады пылинок — крошечные, живые и бесконечно свободные.

***

— Снято!

На площадке все разом выдохнули, стоило прозвучать этой команде.

— Отлично, эмоции переданы безупречно, тонкая работа. Ладно, отдыхаем и готовимся к следующей сцене, — похвалив актеров, Фан Юншэнь тут же принялся раздавать указания. Времени оставалось в обрез, и сегодня им предстояло работать всю ночь.

— Просто блестяще. Инь Чжоу даже после инцидента с Сяо Чжэнем ни на йоту не сдал позиции. Какое самообладание!

Режиссер обернулся и, заметив, что Гу Цинсю собирается уходить, окликнул его:

— Уже уезжаешь?

Тот коротко кивнул. Фан Юншэнь усмехнулся:

— Увидел то, что хотел?

— Вполне. Продолжай без меня, я пойду.

— Ладно, только будь осторожнее. Здесь крутится много народу, фанаты могут подкараулить.

Гу Цинсю надел маску:

— Бывай.

Он отошел от съемочной площадки совсем недалеко, когда у декораций заброшенного кафе его нагнал Чжэнь Цзяшуай. Юноша робко протянул два стакана с кофе.

— Учитель... Учитель Гу, подождите, пожалуйста! Из-за меня сегодня всем пришлось ждать, я задержал съемки... Я купил кофе для группы, и вот, этот — для вас. Я не знал, что вы предпочитаете, выберите, какой понравится. Если бы не вы, я мог бы натворить таких глупостей... Простите меня, и огромное, огромное вам спасибо.

Сяо Чжэнь выглядел крайне смущенным и явно побаивался стоящего перед ним альфу. Еще бы — он только что испытал на себе всю мощь подавления этого человека. Теперь, придя в себя, он с ужасом осознавал, что пытался сопротивляться самому Гу Цинсю. Стоило ему вспомнить то ощущение — будто его топят в глубокой воде, и каждая клетка тела разрывается от невозможности вздохнуть, — как по спине пробежал холодок. Иерархическое давление феромонов было поистине пугающим.

Будучи альфой, он сейчас не чувствовал к Гу Цинсю ни тени враждебности — лишь благоговейный трепет. Впервые в жизни он осознал, что такое истинная сила альфы высшего класса.

Гу Цинсю приспустил маску и ответил мягкой, извиняющейся улыбкой:

— Я поступил так лишь потому, что обстоятельства не терпели отлагательств. Если я причинил тебе сильный дискомфорт, то просить прощения должен я. Ты как, в порядке? За кофе спасибо, не стоило так утруждаться.

Молодой актер не ожидал извинений от такой величины и замахал руками еще отчаяннее:

— Нет-нет, что вы, ни в коем случае за это не извиняйтесь! Это я виноват. Сейчас я в норме, спасибо за заботу, Учитель Гу.

Перед лицом этого спокойного, обходительного и в то же время невероятно могущественного человека он окончательно смешался:

— Я ведь понимаю, что вы хотели как лучше. В конце концов, если бы я действительно укусил Учителя Иня, то...

— О? Неужели ты и впрямь верил, что сможешь меня укусить, Сяо Чжэнь? Может, как-нибудь на досуге устроим дуэль на феромонах?

Раздался звонкий, ироничный голос. Чжэнь Цзяшуай обернулся и совсем потерял дар речи:

— А... я... я не то имел в виду, Учитель Инь... простите меня.

— Ха-ха, неужели? Если тебе и вправду неловко, то скажи-ка: чьи феромоны круче — мои или Учителя Гу? Если ответ меня не удовлетворит, я тебя так просто не прощу, — Инь Чжоу, держа в руках стакан с кофе, ехидно прищурился.

Сяо Чжэнь в ужасе отступил на два шага:

— Брат Чжоу, ну не мучай меня, я... я правда...

В этот момент парень напрочь забыл, что так и не почувствовал запаха самого Инь Чжоу.

Гу Цинсю с долей обреченности посмотрел на возмутителя спокойствия:

— Хватит его дразнить.

Инь Чжоу на удивление покладисто кивнул:

— Ладно, как скажете. Сяо Чжэнь, ты ведь всё еще неважно себя чувствуешь? Феромоны высшего класса — штука тяжелая. Не строй из себя героя, иди отдыхай, скоро твои сольные дубли.

Хотя совместная работа для них закончилась, по графику еще оставалось несколько кадров с участием Чжэнь Цзяшуая. Тот неловко поскреб затылок, бросил взгляд на Гу Цинсю и, получив в ответ ободряющий кивок, с глуповатой улыбкой поспешил обратно на площадку.

Проводив его взглядом, Инь Чжоу повернулся к Гу Цинсю:

— Значит, Учитель Гу нас покидает? Как жаль. Даже не представляю, когда нам теперь доведется свидеться.

В его голосе звучало такое искреннее сожаление, будто он действительно был безутешен. Однако на деле актер лениво привалился к стойке неиспользуемой декорации и небрежно салютовал собеседнику стаканом кофе. Этот жест больше напоминал радостное прощание, чем тоску разлуки.

Гу Цинсю, заметив это, оперся рукой о стол и подался вперед. Он слегка прищурился, и в его облике проступила та самая холодная властность, присущая сильному альфе:

— А что, если мы встретимся очень скоро?

Инь Чжоу на мгновение замер, но тут же расплылся в улыбке:

— Если так, значит, нам и впрямь суждено быть рядом. В таком случае...

Он склонил голову набок и, не отрываясь от стойки, подался навстречу:

— Я стану называть вас «Брат Гу», идет? В этом кругу не так много людей, которых я искренне готов звать братьями.

Гу Цинсю промолчал. Спустя мгновение он опустил взгляд.

— Кажется, тебе не нравились мои феромоны?

Выяснилось, что рука Инь Чжоу накрыла его ладонь, лежащую на столе. Руки обоих альф не были маленькими, но контраст между ними бросался в глаза. У Инь Чжоу кожа была белее, пальцы — длинными и изящными, с четко очерченными костяшками; такую кисть можно было назвать по-настоящему красивой. Рука же Гу Цинсю была крупнее, с чуть выступающими венами, которые подчеркивали силу альфы и выглядели невероятно сексуально.

Инь Чжоу осознал свою оплошность в тот же миг, как коснулся его. Но отдергивать руку сейчас значило проиграть в этой негласной дуэли характеров, поэтому он и глазом не моргнул.

Он лишь вскинул бровь и, убирая ладонь, напоследок по-хозяйски похлопал собеседника по руке:

— Считайте это превентивной адаптацией. Вдруг нам и вправду придется сниматься вместе? Хочешь не хочешь, а контактировать придется. Лучше привыкнуть заранее.

В глазах Гу Цинсю что-то блеснуло, но он не нашелся с ответом. Убрав руку, он молча направился к выходу. Инь Чжоу, довольно ухмыльнувшись, неспешно последовал за ним:

— Позвольте мне проводить вас, Учитель Гу. Счастливого пути.

Он и представить не мог, что произойдет в следующую секунду. Сделав всего пару шагов, Инь Чжоу не заметил валявшуюся на полу стальную трубу и, наступив на нее, потерял равновесие. Тело предательски завалилось вперед.

«Проклятье! — Инь Чжоу мысленно выругался. — Прямо передо мной — Гу Цинсю!»

Тот среагировал мгновенно. Едва услышав шум, он боковым зрением заметил падающего Инь Чжоу, резко развернулся и подхватил его под руку. При этом он ухитрился удержать свой кофе так ровно, что ни единая капля не пролилась.

Уголок губ Гу Цинсю дрогнул в ироничной усмешке:

— Учитель Инь, пожалуй, это вам стоит идти осторожнее.

Инь Чжоу замер, мысленно проклиная сегодняшний день. Определенно, фортуна была не на его стороне.

Ни один из них не заметил, как в отдалении едва слышно щелкнул затвор камеры.

<http://bllate.org/book/15873/1437675>